DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.11
УДК 316.344, ББК 60.524
© Сушко П.Е., Коленникова Н.Д.

Пространственная мобильность и субъективный статус россиян: динамика и особенности взаимосвязи

Павел Евгеньевич
СУШКО
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: sushkope@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0245-7015; ResearcherID: L-2288-2015

Нина Дмитриевна
КОЛЕННИКОВА
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: kolennikova-nina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9458-8762; ResearcherID: H-1391-2017

Аннотация. В статье исследуется влияние пространственной мобильности на объективное социально-экономическое положение и субъективный статус россиян. Теоретическая рамка исследования опирается на парадокс неполной конвертации экономических достижений в субъективный социальный статус, согласно которому прирост в доходе при переезде не трансформируется в соразмерный рост субъективного социального статуса вследствие высоких адаптационных издержек. Эмпирическую базу составили лонгитюдные данные РМЭЗ НИУ ВШЭ (1994–2024 гг., N = 116 976 наблюдений). На основе специально сконструированного индекса выделены четыре группы населения, включающие автохтонов, недавних и укоренившихся мигрантов, а также возвратных мигрантов. Динамика численности этих групп демонстрирует снижение интенсивности недавней миграции среди российского населения наряду с ростом возвратной мобильности,

Для цитирования: Сушко П.Е., Коленникова Н.Д. (2026). Пространственная мобильность и субъективный статус россиян: динамика и особенности взаимосвязи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 214–230. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.11

For citation: Sushko P.E., Kolennikova N.D. (2026). Spatial mobility and subjective social status in Russia: Dynamics and interconnections. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 214–230. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.11

рассматриваемой нами как набирающая популярность адаптационная практика к современным турбулентным условиям. С помощью бинарной логистической регрессии показано, что возвратная миграция выступает сравнительно успешной стратегией с точки зрения максимизации субъективного социального статуса, поскольку накопленный за пределами домашнего региона жизненный опыт и доход обеспечивают индивиду относительно выгодные позиции в домашнем регионе. Шансы возвратных мигрантов охарактеризовать свои статусные позиции как наиболее высокие на 15,1% выше, чем для укоренившихся переселенцев. Автохтонное население на этом фоне сравнительно чаще демонстрирует более сдержанные самооценки своего статуса. Проанализированы также особенности конвертации доходов в субъективный социальный статус. В частности, возвратные мигранты демонстрируют сниженную на 16,3% чувствительность их субъективного статуса к колебаниям уровня дохода, а субъективный социальный статус остальных групп, напротив, в большей степени с ними взаимосвязан. Сделан вывод о том, что для возвратных мигрантов реинтеграция на малой родине может выполнять функцию амортизатора экономических шоков. Такой тип пространственной мобильности позволяет индивиду компенсировать финансовые дефициты, вероятно, за счет локального социального капитала, обеспечивая устойчивость субъективного положения и конструируя ощущение жизненного успеха вне строгой зависимости от текущих заработков. Таким образом, учет особенностей миграционной биографии индивида позволяет расширить традиционный анализ социального неравенства, демонстрируя сложную и структурно неоднородную связь между объективным материальным положением и субъективными оценками россиян.

Ключевые слова: пространственная мобильность, возвратная миграция, миграционный статус, миграционные биографии, субъективный статус, социальная стратификация, российское общество.

К вопросу о концептуализации пространственной мобильности и ее влиянии на субъективный статус

В современных социологических исследованиях пространственная мобильность рассматривается в качестве одного из ключевых механизмов изменения социального положения индивида и преодоления структурных ограничений (Cresswell, 2006; Урри, 2012). Как показывают зарубежные и отечественные исследования в русле экономической географии (Krugman, 1991; Зубаревич, Сафронов, 2024), пространственная поляризация неизбежна вследствие естественной концентрации конкурентных преимуществ на отдельных территориях, однако открытым остается вопрос о масштабах и динамике данного расслоения в каждом конкретном обществе. В условиях высокой пространственной поляризации современной России, характеризующейся формированием инфраструктурных центров на фоне ограниченной в ресурсах периферии и структурной уязвимости локальных рынков труда (Коленникова, 2023), территориальные перемещения часто становятся для граждан одним из основных доступных способов улучшения своего социально-экономического положения и адаптации к макроэкономическим изменениям (Голенкова, Сушко, 2016; Малева, Бурдяк, 2018; Карачурина, Мкртчян, 2024).

Вместе с тем объективное повышение материального благосостояния не всегда ведет к росту субъективного статуса и социального оптимизма в обществе в целом. Для российского общества данное соотношение представляет особый исследовательский интерес, поскольку объективное улучшение экономической ситуации в ретроспективе последних трех десятилетий, расширение возможностей для заработка и снижение уровня безработицы не сопровождались соразмерным повышением субъективных оценок уровня жизни. Результаты мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН показывают, что при оценке динамики ситуации в различных сферах общественной жизни за последние десять лет более половины россиян (53,8%) отмечают снижение уровня жизни в стране, наряду с негативными оценками жилищной ситуации (51,9%) и системы высшего образования (50,8%). Неравенство в доходах традиционно лидирует в рейтинге наиболее болезненных социальных проблем и по итогам опроса 2024 года беспокоит половину российского населения (50,9%), что

почти вдвое превышает обеспокоенность неравенством доступа к медицинской помощи (27,1%)[1].

В связи с подобными дисбалансами, характерными не только для России, в научном дискурсе актуализируются вопросы о взаимосвязи пространственной мобильности с объективным положением и субъективным статусом индивида. Эволюция теоретических и эмпирических подходов к оценке последствий миграции демонстрирует постепенное расширение аналитической перспективы. Исторически в рамках экономической теории миграция рассматривалась прежде всего как рациональная инвестиция в человеческий капитал, направленная на максимизацию ожидаемых экономических и социальных выгод (Sjaastad, 1962; Todaro, 1969; Borjas, 1987). Эта трактовка согласуется с классической теорией социальной мобильности П. Сорокина, рассматривающей пространственные перемещения в качестве механизма изменения социального положения индивида (Sorokin, 1927). В данной логике территориальная мобильность напрямую связывается с накоплением человеческого капитала, расширением экономических возможностей и созданием предпосылок для восходящей социальной мобильности.

Однако по мере развития предметной области фокус исследователей сместился на комплексный анализ жизненных траекторий. Современные работы акцентируют внимание на множественных немонетарных издержках и рисках переезда, учитывая в том числе травматичность процесса адаптации. На фоне текущих кризисов и усложнения социальной реальности стало очевидно, что решения о переездах и их эффекты впоследствии связаны не только с экономическими мотивами, но и семейными обстоятельствами, жилищными условиями, образом жизни (Clark, Maas, 2015), а также с перестройкой локальных социальных связей (Belot, Ermisch, 2009). Тем самым экономический эффект миграции оказывается встроен в широкий социальный контекст, где улучшение материального положения может сопровождаться социальными и символическими издержками.

Закономерным итогом усложнения теоретической рамки выступает парадокс, обнаруживаемый на стыке социологии неравенства и географии расселения, суть которого состоит в том, что объективный социально-экономический выигрыш от переезда далеко не всегда конвертируется в соответствующий рост самооценок жизни или места в обществе (Nowok et al., 2013). Исследования показывают, что улучшение экономических возможностей после переезда не обязательно сопровождается пропорциональным ростом субъективного благополучия. Весомое значение здесь имеют селективность миграции и особенности адаптации к новой социальной среде (Bartram, 2013; Nowok et al., 2013). В этом отношении пространственную мобильность целесообразно рассматривать как процесс одновременного изменения экономического положения и системы социальных сравнений, посредством которой индивид оценивает собственный социальный статус.

В частности, переезд на территорию с высоким уровнем экономического развития не означает автоматического перехода индивида в соответствующую социальную позицию. При недостаточном объеме специфического культурного капитала и слабой включенности в локальные социальные сети мигрант сталкивается с адаптационными и символическими издержками (Reed-Danahay, 2020). Сравнительный анализ европейских стран показывает, что различия в субъективном благополучии между мигрантами и местным населением во многом связаны с характеристиками социальных связей, уровнем доверия и степенью укорененности (Arpino, de Valk, 2018; Tegegne, Glanville, 2019).

Наряду с этим анализ долгосрочных траекторий внутренней миграции в европейских странах демонстрирует, что повторная мобильность меняет структуру социальных сетей, которые становятся более географически распределенными, менее ориентированными на семью и характеризуются редкими контактами (Wu et al., 2024). Кроме того, субъективное благополучие мигрантов не демонстрирует ожидаемого сближения с уровнем местного населения по мере увеличения продолжительности пре-

[1] Российское общество и вызовы времени (2025) / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. Москва: Весь Мир. Кн. 8. 352 с.

бывания и смены поколений (Hendriks, Burger, 2020). В отдельных случаях оно даже снижается, сопровождаясь усилением восприятия неравенства (Wei, 2022).

Неоднозначность последствий географической мобильности фиксируется и в отечественных исследованиях социальной динамики (Малева, Бурдяк, 2018; Андреенкова, Воронина, 2025). В частности, изучается значимость социального капитала для субъективного благополучия мигранта (Тимошкин и др., 2025), которая дополняется тезисами о важной роли социального доверия и наличия в регионе земляков (Камалов, Понарин, 2020).

Таким образом, улучшение финансовых условий не гарантирует соразмерного повышения субъективного положения. Существенную роль в преодолении подобного диссонанса играет социальный капитал. Следовательно, субъективное благополучие мигрантов зависит как от характеристик территории прибытия, так и от возможности включения в существующие структуры социальных связей.

С учетом этих предпосылок особый интерес приобретает анализ возвратной и повторной мобильности. Если первичный переезд требует формирования новых социальных связей, то возвращение может выступать механизмом их восстановления и получения доступа к локальному социальному капиталу. Исследования показывают, что семейные и дружеские контакты значимы для решения о возвращении и последующей интеграции мигрантов (Gillespie et al., 2022). Вместе с тем возвращение не всегда сопровождается быстрым восстановлением прежних социальных связей (Li et al., 2026). Тем не менее возвратную мобильность можно рассматривать как механизм восстановления социального капитала наряду с адаптацией к изменившимся экономическим условиям.

На фоне общемировых трендов особую актуальность данной проблематике придает историческая динамика пространственной мобильности в России за последние тридцать лет. Постсоветские трансформации переформатировали логику территориального поведения россиян[2]. Ключевым результатом изменений стало качественное преобразование барьеров пространственной мобильности. Переход к рыночной экономике сопровождался демонтажем системы государственного регулирования миграции и института планового распределения трудовых ресурсов (Зайончковская, 1999). Прежние административные барьеры сменились структурно-экономическими. Высокая стоимость жилья в крупнейших городах, дефицит доступного арендного фонда и сравнительно низкая ликвидность недвижимости в регионах создали рыночные ограничения, закрепив значительную часть населения на социально-экономической периферии (Мкртчян, Флоринская, 2019).

В условиях высокой стоимости окончательного переезда сложился компенсаторный механизм, при котором россияне начали массово замещать безвозвратную миграцию различными формами временной и возвратной мобильности. По оценкам исследователей, широкое распространение получили маятниковая миграция в агломерациях, трудовое отходничество и практики возвратной мобильности в рамках стратегии «жизни на два дома»[3]. Эта стратегия пространственного поведения выступает важным инструментом адаптации к территориальному неравенству и макроэкономическим шокам (Нефедова и др., 2015). Подобные практики позволяют населению обходить структурные ограничения локальных рынков труда, использовать разрывы в уровне экономических возможностей и выстраивать эффективные финансовые стратегии в своем домашнем регионе, минимизируя социальные, жилищные и психологические издержки окончательного переезда (Мкртчян, Флоринская, 2019).

В данном контексте принципиальную значимость приобретает выявление специфики взаимосвязей между конкретными типами миграционных биографий, включающими оседлость, недавнюю или укоренившуюся мигра-

[2] Мкртчян Н.В. (2017). К вопросу о масштабах пространственной мобильности в России // Демоскоп Weekly. № 753–754. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/analit03.php (дата обращения: 31.07.2026).

[3] Между домом и... домом: возвратная пространственная мобильность населения России (2016) / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. Москва: Новый Хронограф. 504 с.; Отходники (2013) / под ред. С.Г. Кордонского. Москва: Новый Хронограф. 364 с.

цию, а также возвратную мобильность, и их социальными эффектами. Ключевой аналитической задачей становится понимание механизмов конвертации объективных социально-экономических достижений в субъективные оценки.

При эмпирическом измерении субъективных проекций социального неравенства необходимо учитывать их многомерную природу и разграничивать исследовательские фокусы. С одной стороны, существует традиция изучения субъективного благополучия, акцентирующая внимание на когнитивных и аффективных аспектах, включая уровень счастья и общую удовлетворенность жизнью. Оно интерпретируется как сложный конструкт (Diener et al., 1999), отражающий внутреннюю оценку баланса переживаемых индивидом эмоций, степень психологической комфортности и когнитивной удовлетворенности условиями существования. Потенциально для анализа миграции применим инструментарий оценок удовлетворенности отдельными сферами жизнедеятельности (Сушко, 2025). Однако в контексте пространственной мобильности такие показатели отражают восприятие собственной жизни и слабо подходят для оценки изменения положения в новом социальном окружении, поскольку даже при росте доходов после переезда субъективное благополучие может не демонстрировать сопоставимого улучшения из-за адаптации к новым условиям и изменения уровня ожиданий (Bartram, 2013; Hendriks, 2015).

С другой стороны, в рамках традиции субъективной стратификации изучаются самооценки индивида по отношению к социальной позиции в различных иерархиях. Представляется, что в контексте изучения последствий пространственной мобильности оценка субъективного социального статуса выступает более эффективным инструментом. В отличие от параметров удовлетворенности жизнью субъективный статус опирается на конкретную социальную шкалу и имеет референтную природу. В логике теории социального сравнения Л. Фестингера и концепции референтных групп Р. Мертона перемещение в пространстве неизбежно означает смену социального фона, выступающего новой точкой отсчета для оценки собственных достижений (Festinger, 1954; Merton, 1968; Clark, Senik, 2010). Следовательно, статусная самооценка позволяет отследить структурное противоречие, при котором переселенец, несмотря на повышение уровня дохода, может чувствовать себя уязвимым на фоне стандартов принимающего сообщества. В рамках настоящего исследования конструкт субъективного социального статуса операционализирован через самооценки материального достатка, влияния и общественного уважения, соответствующие трем измерениям социальной стратификации в веберианской традиции (Weber, 1978).

Методология и эмпирический дизайн исследования

В связи с приведенными выше теоретическими предпосылками цель данного исследования заключается в анализе динамики пространственной мобильности россиян в период с 1994 по 2024 год и выявлении специфики конвертации уровня дохода в субъективный социальный статус у групп с различным миграционным опытом. Подобный ракурс позволяет рассматривать миграционную биографию как значимый фактор адаптационных издержек и динамики субъективных оценок собственного положения в обществе.

Описанный выше разрыв между объективным улучшением материального положения и стагнацией самооценок вследствие смены референтного окружения концептуализируется нами как эффект неполной конвертации социально-экономических достижений в субъективный статус. Опираясь на концепцию статусной рассогласованности, рассматривающую различные социальные иерархии как относительно автономные (Lenski, 1954), мы предполагаем, что в условиях адаптации к новой территориальной и социальной среде значительная часть возросших доходов расходуется на компенсацию базовых издержек переезда. Этот своеобразный «налог на адаптацию» может снижать эффективность конвертации монетарных ресурсов в субъективный социальный статус у мобильных групп на фоне укорененного населения. Однако для проверки данного тезиса необходимо последовательно измерить наличие объективной экономической премии за переезд и степень ее взаимосвязи с субъективным положением индивида.

Эмпирической базой исследования послужил объединенный массив данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ)[4]. На этапе первичной обработки была проведена процедура ретроспективного восстановления пропущенных значений с использованием панельной структуры массива. Для оценки динамики миграционных статусов, доходов и субъективных статусов были выделены и интегрированы репрезентативные срезы данных, полученных в годы, отражающие ключевые этапы российских социально-экономических трансформаций. Срез 1994 года фиксирует острую фазу трансформационного кризиса, 2003 и 2011 гг. отражают разные фазы восстановительного роста. Срезы 2016 и 2019 гг. характеризуют этапы адаптации общества к санкционному давлению и стагнации доходов населения, а данные 2022 и 2024 гг. позволяют оценить состояние общества в условиях новой геополитической реальности. Общий объем исходной выборки составил 116 976 наблюдений, а итоговый массив, используемый на этапе многомерного моделирования и очищенный от пропущенных значений по всем включаемым в модель переменным, составил 75 148 наблюдений.

Для преодоления традиционного для социологических исследований упрощенного деления респондентов на «мигрантов» и «местных жителей», слабо отражающего неоднородность их пространственных траекторий, в рамках работы была сконструирована уточненная типология россиян, учитывающая различия в опыте и длительности пространственной мобильности[5].

Первая группа объединила укорененное население (автохтоны), никогда не покидавшее свой населенный пункт с рождения на срок более шести месяцев. Во вторую категорию вошли возвратные мигранты, имеющие опыт длительного проживания вне места рождения, но на момент обследования вновь проживающие в нем. Третья группа представлена недавними мигрантами, сменившими населенный пункт в течение последних пяти лет и находящимися в активной фазе адаптации к новой социальной среде. Четвертая категория объединила укоренившихся мигрантов, переехавших более пяти лет назад и формально завершивших адаптационный период.

Важно отметить, что для группы возвратных мигрантов жесткий временной порог не вводился. Теоретическим основанием данного решения служит концепция реинтеграции, согласно которой возвращение в знакомую социальную среду при сохранении семейных, родственных и локальных социальных связей, а также накопленного социального капитала, как правило, облегчает повторную интеграцию и снижает адаптационные издержки по сравнению с первичной миграцией (Cerase, 1974; Cassarino, 2004). В данном случае ключевым дифференцирующим фактором выступает сам факт наличия опыта длительного проживания в иной социальной среде, потенциально изменяющего установки, поведенческие практики и систему социальных ориентаций индивида, а не продолжительность его пребывания в родном населенном пункте после возвращения.

Эмпирический анализ выстроен вокруг измерения степени конвертации уровня дохода в субъективную оценку собственного статуса. В рамках многомерного статистического моделирования в качестве базовой зависимой переменной выступает интегральный индекс субъективного социального статуса. Использование усредненного индекса позволяет оценить, способен ли рост доходов в ходе миграции трансформировать общую социальную точку отсчета индивида и повысить комплексную оценку его позиции в обществе.

---

[4] Сайты обследования RLMS-HSE: https://rlms–hse.cpc.unc.edu и http://www.hse.ru/rlms (дата обращения: 31.07.2026).

[5] Типология конструировалась на основе трех вопросов из анкеты РМЭЗ, фиксирующих место рождения респондента, опыт проживания в другом поселении более шести месяцев, а также продолжительность непрерывного проживания в текущем населенном пункте. Комбинация этих переменных позволила отделить автохтонов от лиц, имеющих опыт возвратной миграции, а также дифференцировать мигрантов по продолжительности проживания в текущем населенном пункте. Важно отметить, что отмеченные вопросы присутствуют в инструментарии РМЭЗ не во всех волнах, поэтому для восстановления миграционного опыта использовалась панельная структура данных. Если респондент сообщал соответствующую информацию хотя бы в одной из волн, она связывалась с его индивидуальным идентификатором и использовалась при классификации последующих наблюдений. Такой подход позволил учитывать биографические характеристики миграционного опыта и минимизировать влияние пропусков, обусловленных изменениями инструментария опроса.

Индекс рассчитан как среднее значение по трем девятибалльным шкалам, отражающим субъективную самооценку собственного положения по уровню материального благосостояния («от нищих до богатых»), власти («от совсем бесправных до обладающих большой властью») и общественного уважения («от совсем неуважаемых до очень уважаемых»). Каждая шкала предполагает, что значение 1 ассоциируется с нижними ступенями соответствующей социальной лестницы, а значение 9 – с ее высшей позицией. В целях сохранения репрезентативности массива расчетная процедура допускала наличие не более чем одного пропуска по трем составляющим компонентам интегрального субъективного статуса. При отсутствии ответа по одной из шкал итоговый показатель вычислялся как среднее арифметическое двух доступных оценок самого респондента. Проверка внутренней согласованности индекса показала приемлемый уровень его надежности (α Кронбаха = 0,710).

Для применения обобщенных линейных моделей данный индекс был дихотомизирован по точке, максимально приближенной к медиане распределения всей выборки (колеблющейся в диапазоне 4,60–4,66 балла). В качестве порогового значения было выбрано 5 баллов, что позволяло сформировать относительно сбалансированные по численности группы. Значения от 5 до 9 баллов кодировались как сравнительно высокий субъективный статус (1), а меньше 5 – как низкий (0).

В итоговой логистической модели зависимой переменной выступает вероятность отнесения индивида к группе с высоким интегральным субъективным статусом. Оценка этих шансов проводилась с помощью бинарной логистической регрессии, выбор которой обоснован тем, что в отличие от порядковых или мультиномиальных моделей этот алгоритм позволяет максимально сфокусироваться на том, как с уровнем дохода изменяется вероятность формирования высоких самооценок статуса. Подобный подход позволяет при интерпретации эффектов взаимодействия сохранить социологический смысл исследования без множественных перекрестных сравнений.

В качестве ключевых предикторов в модель включены категориальная переменная миграционного статуса и стандартизированный натуральный логарифм среднедушевого дохода[6]. Референтной категорией в модели выступает группа укоренившихся мигрантов. Выбор данной категории обоснован тем, что она отражает наиболее завершенный этап социально-экономической адаптации после переезда. Сравнение недавних или возвратных переселенцев именно с этой группой позволяет отследить динамику преодоления «налога на адаптацию» и зафиксировать уровень конвертации дохода в статус для лиц, успешно интегрировавшихся в новую среду. Концептуальная связка между материальным положением и субъективным статусом реализуется математически посредством включения в регрессионное уравнение параметров взаимодействия между уровнем стандартизированного дохода и типом пространственной мобильности. Построение многомерных статистических моделей сопровождалось введением блока контрольных переменных, что является строгой методологической необходимостью для исключения ложных статистических корреляций, обусловленных существенными отличиями структурно-демографического профиля мигрантов от профиля оседлого населения. В целях получения несмещенных оценок этот блок охватывал возраст, уровень образования, статус занятости на момент опроса, год проведения исследования и самооценку здоровья.

В текущей спецификации регрессионная модель рассчитывает усредненные статистические эффекты за весь период наблюдений, фиксируя устойчивые структурные закономерности. В отличие от описательной части статьи, где численность групп с разным миграционным статусом рассматривается в динамике, блок многомерного статистического моделирования

[6] Переход к логарифмической шкале является классическим приемом в исследованиях неравенства, обеспечивающим нормализацию асимметричного распределения доходов и снижение статистического влияния экстремальных выбросов. В качестве базового показателя использовался среднедушевой доход домохозяйства, рассчитанный как отношение совокупного семейного дохода из всех источников за последние 30 дней к числу членов домохозяйства. Стандартизация (Z-оценка) логарифма проводилась изолированно для каждого года исследования, что позволило надежно нивелировать эффекты инфляции и сопоставлять относительный уровень доходов респондентов на разных этапах макроэкономического цикла.

не предусматривает отдельного анализа временных изменений. Для оценки хронологических сдвигов во влиянии материального положения на статус потребовались бы отдельный расчет интегрального индекса и построение самостоятельных моделей для каждого года, что выходит за рамки текущего анализа и может быть предметом отдельного исследования.

Оценивая результаты проведенной работы, важно обозначить ключевые методологические допущения. Во-первых, дихотомизация зависимой переменной и использование композитного индекса обусловливают обобщенный характер анализа. Поскольку тестовые модели не выявили принципиальных различий в эффектах на отдельных шкалах, подобный подход сфокусирован на общих структурных сдвигах статусной самооценки.

Во-вторых, исследование сосредоточено на внутристрановой и предположительно добровольной мобильности, поэтому особенности адаптации международных или вынужденных мигрантов в нем не рассматриваются.

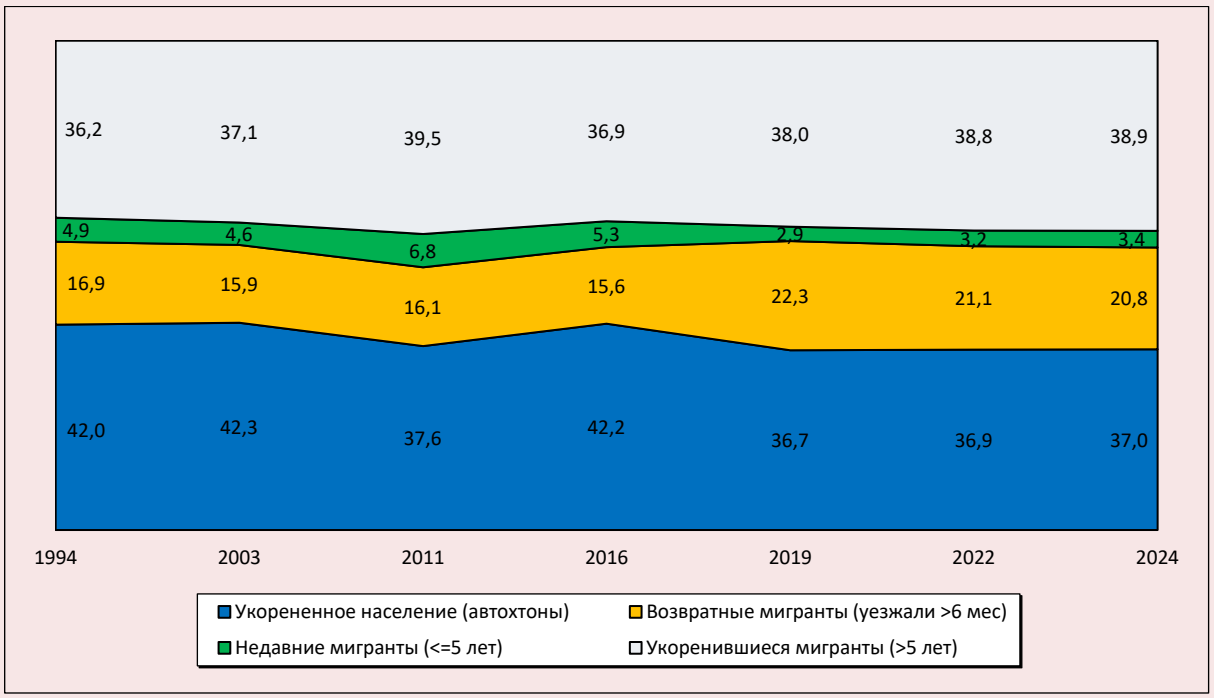
В-третьих, выделение анализируемых групп на основе миграционной биографии носит отчасти условный характер. Инструментарий опроса предполагает фиксацию любого факта длительного проживания в другом населенном пункте, в результате чего в категорию с миграционным опытом неизбежно попадают лица, ранее проходившие срочную военную службу или временно обучавшиеся в других городах, хотя в полном смысле таких респондентов не вполне корректно относить к классическим переселенцам.

Наконец, опора на объединенные данные позволяет выявить устойчивые структурные корреляции между миграцией и статусом, но ограничивает возможности строгой каузальной интерпретации вследствие влияния ненаблюдаемых индивидуальных характеристик респондентов.

Динамика и социально-демографический профиль групп с разным миграционным статусом

Динамика пространственной мобильности россиян показывает, что на фоне сокращения доли недавних мигрантов в последние 10–15 лет сохраняется высокая распространенность укоренившихся мигрантов, а также возрастает доля лиц, имеющих опыт возвратной мобильности (*рисунок*).

Динамика распределения россиян по типам пространственной мобильности (1994–2024 гг.), %

Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

На этапе постсоветского кризиса и ранней стабилизации (1994–2003 гг.) структура территориальной мобильности населения оставалась сравнительно консервативной, характеризуясь доминированием автохтонов при сохранении доли недавних мигрантов на уровне около 5,0%. Затем к 2011 году наметился рост их численности, что, вероятно, связано с активным поиском населением новых возможностей на фоне социально-экономической стабилизации. Тем не менее после финансового кризиса 2014–2016 гг. миграционная активность россиян изменила свой вектор в пользу возвратной мобильности.

В частности, доля россиян, вернувшихся на малую родину после длительного отсутствия, увеличилась с 15,6% в 2016 году до 22,3% в 2019 году, а к 2024 году стабилизировалась на отметке 20,8%. Хронологически такая динамика совпадает с периодами финансового кризиса 2014–2016 гг. и последующей глобальной турбулентности, начавшейся с пандемии коронавируса. Фиксация роста возвратной мобильности к 2019 году и ее последующее удержание на стабильно высоком уровне свидетельствуют об определенном сдвиге в миграционных траекториях россиян, который можно описать как смещение фокуса с практик первичного перемещения в новые населенные пункты на стратегии возвращения в исходные регионы проживания. Полученная динамика согласуется с современными оценками снижения интенсивности внутренней миграции в России и одновременного роста случаев автовозврата, выявленного на индивидуальных данных за 2011–2023 гг. (Мкртчян, 2026). Таким образом, данные РМЭЗ показывают аналогичный сдвиг на уровне индивидуальных миграционных траекторий.

Подобные сдвиги и социально-экономические трансформации могут влиять на качественный состав участников мобильности. Соответственно, для корректной оценки связи между миграционным статусом и субъективными оценками рассмотрим социально-демографический профиль исследуемых групп по состоянию на 2024 год (*табл. 1*).

Наиболее молодую группу, как видно из таблицы 1, образуют *недавние мигранты*, 27,6% которых находятся в возрасте от 18 до 24 лет. Образовательный профиль недавних мигрантов отличается наибольшей долей среди них россиян с законченным и незаконченным средним образованием на фоне сравнительно низкой численности тех, кто имеет диплом о высшем образовании. Примечательно также, что недавние мигранты представлены преимущественно в сфере торговли и бытового обслуживания, а также среди неквалифицированных рабочих. Наряду с этим 40,5% представителей этой группы располагают среднедушевыми доходами свыше двух региональных медиан. Это превышает среднее значение по выборке и в целом указывает на финансовую результативность их миграционной стратегии.

Группа *укоренившихся мигрантов* является наиболее возрастной, поскольку совокупная доля лиц старше 55 лет охватывает свыше половины ее состава. В целом эта группа отличается сформированной образовательной базой (43,1% ее представителей имеют среднее специальное и 29,3% – высшее образование) и сбалансированной профессиональной структурой. В частности, доли специалистов с высшим и средним уровнями квалификации среди укоренившихся мигрантов практически равны.

В свою очередь *укорененное население*, не имеющее миграционного опыта, отличается сравнительно высокой долей в его составе профессионалов и полупрофессионалов. Вместе с тем такой образовательный и профессиональный потенциал не сопровождается более высоким уровнем доходов. По доле респондентов с доходами свыше двух региональных медиан автохтоны уступают всем мобильным группам. Лишь треть представителей этой группы преодолевает данный порог, тогда как среди остальных миграционных групп и в целом по выборке этот показатель выше.

Ядро группы *возвратных мигрантов* составляют респонденты в возрасте от 36 до 54 лет. Среди них сравнительно высока доля россиян со средним специальным образованием, еще почти треть имеют диплом о высшем образовании. В этом смысле для локальных рынков труда возвратные мигранты являются важной кадровой опорой. В частности, относительно высоки среди них доли квалифицированных рабочих ручного труда и операторов машин и механизмов. Заметно также присутствие возвратных мигрантов и на руководящих постах.

Таблица 1. Социально-демографические характеристики россиян с разным миграционным статусом, 2024 г., % по столбцу*

Социально-демографическая группа	Укорененное население (автохтоны)	Возвратные мигранты (уезжали > 6 мес.)	Недавние мигранты (<=5 лет)	Укоренившиеся мигранты (> 5 лет)	Всего по выборке
Возраст					
18–24 года	19,2	1,9	**27,6**	2,8	**8,3**
25–29 лет	8,7	4,4	9,3	2,6	**5,1**
30–35 лет	10,3	9,6	13,5	6,1	**8,4**
36–44 года	**22,3**	20,3	17,6	15,8	**19,0**
45–54 года	17,5	**23,1**	11,9	17,1	**18,5**
55–65 лет	11,0	19,6	6,7	21,0	**17,2**
66 лет и старше	11,0	21,1	13,5	**34,6**	**23,5**
Уровень образования					
Незаконченное среднее и ниже	18,1	7,5	19,6	11,9	**13,1**
Законченное среднее	18,9	17,7	30,0	15,7	**17,6**
Законченное среднее специальное	**33,5**	**45,1**	**31,1**	**43,1**	**40,1**
Законченное высшее и поствысшее	29,5	29,7	19,3	29,3	**29,2**
Профессиональная принадлежность по ISCO-08					
Руководители (1 класс)	5,9	7,3	5,4	7,1	**6,7**
Профессионалы (2 класс)	21,0	15,8	13,7	18,5	**18,5**
Полупрофессионалы (3 класс)	**23,1**	16,9	14,1	**19,1**	**19,8**
Занятые низкоквалифицированным нефизическим трудом (4 класс)	6,0	4,5	2,4	5,3	**5,3**
Работники сферы торговли и бытового обслуживания (5 класс)	18,5	**17,1**	**27,3**	17,9	**18,2**
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом (7 класс)	9,8	16,0	13,7	12,1	**12,3**
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы (8 класс)	8,6	16,9	13,2	12,0	**12,1**
Неквалифицированные рабочие всех отраслей (9 класс)	7,1	5,5	10,2	8,0	**7,1**
*Уровень среднедушевого дохода***					
До 0,75 медианы	5,9	3,8	5,3	6,0	**5,4**
От 0,75 до 1,25 медианы	23,3	20,2	20,0	23,0	**22,3**
От 1,25 до двух медиан	**37,4**	33,6	34,2	33,9	**35,0**
Свыше двух медиан	33,5	**42,3**	**40,5**	**37,1**	**37,3**

* Фоном выделены показатели, превышающие средневыборочные более чем на 5 п. п. Жирным шрифтом выделен максимальный показатель в каждом столбце. Взаимосвязь между миграционным статусом и рассматриваемыми социально-демографическими признаками подтверждена критерием Хи-квадрат Пирсона при уровне значимости $p < 0{,}001$ для всех анализируемых распределений. Сила статистической связи оценивалась коэффициентом V Крамера. Для возрастных когорт зафиксирована умеренная связь ($V = 0{,}237$ при χ^2 (18) = 2062,3). В остальных случаях показатели отражают слабую, но достоверную статистическую связь. В частности, для уровня образования получены значения $V = 0{,}089$ и χ^2 (9) = 318,8, для профессиональной принадлежности $V = 0{,}089$ и χ^2 (21) = 181,1, а для уровня дохода $V = 0{,}047$ и χ^2 (12) = 47,3. Формально невысокие значения коэффициента Крамера типичны для масштабных социологических массивов с большой индивидуальной дисперсией. В данном контексте они отражают многофакторную природу социальных явлений, а не свидетельствуют об отсутствии статистически значимых различий между миграционными группами. Дополнительное применение попарного Z-критерия позволило локализовать границы этих сдвигов. Данный тест пошагово сравнил доли внутри таблицы и позволил определить, между какими группами по миграционному статусу наблюдаются статистически значимые различия.

** Для оценки материального положения респондентов применялся относительный подход к доходной стратификации (Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения (2018) / под ред. Н.Е. Тихоновой. Москва; СПб.: Нестор-История. 368 с.). В отличие от абсолютных методов, задающих фиксированные денежные пороги, данный подход базируется на соотнесении среднедушевого дохода домохозяйства с медианным доходом по региону проживания. Использование относительных показателей обладает наибольшей объяснительной способностью при анализе социальной структуры современной России, поскольку позволяет нивелировать межрегиональные экономические диспропорции и более точно зафиксировать объективную позицию индивида в локальной социально-экономической иерархии.

Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Наиболее заметный эффект возвратная мобильность оказывает на уровень доходов, поскольку именно в группе россиян, имеющих такой опыт территориальных перемещений, фиксируется максимальная доля тех, кто перешагнул планку дохода в две региональные медианы. Вероятно, накопленный за пределами родного региона опыт позволяет вернувшимся мигрантам конвертировать свои навыки в финансовую премию дома.

Таким образом, выявленные различия формируют предпосылки для трех исследовательских гипотез, которые планируется проверить с помощью многомерного регрессионного моделирования. Первая гипотеза направлена на проверку неоднородности конвертации денег в интегральный субъективный социальный статус. Она формулируется в виде тезиса о том, что связь между уровнем дохода и субъективным социальным статусом работает по-разному в зависимости от того, «укоренился» ли респондент или находится в процессе миграционной адаптации.

Опираясь на этот механизм, вторая гипотеза предполагает, что недавние мигранты сталкиваются со специфическим статусным диссонансом из-за ощутимого разрыва между их скромным образовательным багажом (19,3% из них имеют диплом о высшем образовании) и относительно высокими доходами (40,5% недавних мигрантов имеют доходы свыше двух региональных медиан). Третья же гипотеза предсказывает наличие статусной премии для возвратных мигрантов. Мы предполагаем, что их финансовое превосходство на фоне других групп россиян с разным миграционным статусом обеспечивает им наиболее высокие субъективные позиции.

Пространственная мобильность и эффект неполной конвертации: результаты логистического регрессионного моделирования

Результаты моделирования представлены в *таблице 2*. При их интерпретации основное внимание уделяется отношению шансов (Exp(B)). Значения Exp(B) выше единицы свидетельствуют о повышении шансов на достижение высокого субъективного социального статуса, а ниже единицы – об их снижении при прочих равных условиях.

Многомерное моделирование позволило зафиксировать значимую роль пространственной мобильности в формировании субъективного социального статуса. Анализ отношения шансов демонстрирует умеренную, но устойчивую

Таблица 2. Влияние миграционного статуса и дохода на шансы формирования высокого субъективного социального статуса

Предикторы в уравнении	Коэффициент (B)	Станд. ошибка	p	Exp(B)	95% ДИ для Exp(B)
Пространственная мобильность (референтная группа – укоренившиеся мигранты)					
Возвратные мигранты (> 6 мес.)	0,14	0,02	<0,001	1,151	1,106–1,197
Укорененное население (автохтоны)	-0,065	0,02	<0,001	0,937	0,902–0,973
Недавние мигранты (≤ 5 лет)	-0,04	0,043	0,356	0,961	0,883–1,046
Доход и эффекты взаимодействия					
Базовый лог. дохода (Z-оценка)	0,312	0,014	<0,001	1,367	1,329–1,405
Возвратные мигранты × Лог. дохода	-0,178	0,022	<0,001	0,837	0,802–0,873
Укорененное население × Лог. дохода	-0,069	0,021	0,001	0,933	0,896–0,973
Недавние мигранты × Лог. дохода	-0,053	0,042	0,213	0,949	0,874–1,031

Примечания. В таблице представлены коэффициенты бинарной логистической регрессии (B), стандартные ошибки, отношения шансов (Exp(B)) и 95%-ные доверительные интервалы. Зависимой переменной выступает вероятность отнесения респондента к группе с высоким интегральным субъективным статусом. Модель включает статистический контроль возраста, уровня образования, статуса занятости, года опроса и самооценки здоровья. Поскольку в модель включены эффекты взаимодействия между типом пространственной мобильности и стандартизированным логарифмом дохода, главные эффекты категорий миграционного статуса интерпретируются при среднем уровне логарифма дохода (Z = 0). Объем выборки составил 75 148 наблюдений. Модель статистически значима согласно критерию отношения правдоподобия (χ^2 (30) = 6025,0, p < 0,001). Площадь под ROC-кривой (AUC) составила 0,661 (95%-ный ДИ: 0,657–0,665), что указывает на умеренную дискриминирующую способность модели. Показатель псевдо-R^2 Найджелкерка (0,103) свидетельствует об умеренной объяснительной силе модели, поскольку формирование субъективных статусных оценок в значительной степени обусловлено индивидуальными факторами, не учтенными в модели.
Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

склонность к более высокой самооценке статуса в группе возвратных мигрантов. При среднем уровне дохода и контроле социально-демографических факторов шансы отнесения возвратных мигрантов к группе с высоким субъективным социальным статусом на 15,1% выше, чем у укоренившихся переселенцев. Это согласуется с нашим предположением о существовании статусной премии для россиян с опытом возвратной мобильности. Накопленный за пределами родного региона профессиональный и жизненный опыт в сочетании с сохранением локальных социальных связей обеспечивает возвратным мигрантам дополнительные преимущества по сравнению с локальными референтными группами. В этом смысле возвращение на малую родину выступает не вынужденным признанием жизненной неудачи, а вполне прагматичной стратегией. Такая пространственная траектория позволяет одновременно использовать накопленный человеческий потенциал и опираться на сохранившийся локальный социальный капитал, что способствует формированию более высокой статусной самооценки после возвращения.

Укорененное население, напротив, демонстрирует сравнительно низкие шансы высокой оценки своего статуса (ниже базового уровня на 6,3%). Вероятно, субъективный статус автохтонов в большей степени формируется в рамках устойчивой локальной социальной структуры, где материальные достижения являются лишь одним из факторов социальной оценки. Кроме того, результаты моделирования показывают, что влияние дохода на субъективный статус у автохтонов выражено слабее, чем у укоренившихся мигрантов. Это согласуется с тезисами о приоритете в стабильных локальных сообществах иных основ социального престижа, обусловленных прежде всего устоявшимися социальными связями и устойчивостью положения индивида в конкретном поселении.

Для недавних мигрантов не обнаруживается статистически значимых отличий от референтной группы, что соответствует нашему предположению о наличии адаптационных издержек, ограничивающих быструю конвертацию преимуществ переезда в субъективный статус. Полученные результаты свидетельствуют о том, что само по себе перемещение, даже сопровождающееся ростом доходов, не обеспечивает автоматического повышения субъективного статуса на начальном этапе интеграции.

Особый интерес представляет анализ эффектов взаимодействия между доходом и миграционным статусом россиян. Для укоренившихся мигрантов их субъективный статус отличается высокой чувствительностью к уровню материального достатка. В частности, рост стандартизированного логарифма среднедушевого дохода на одно стандартное отклонение повышает шансы достижения высокого субъективного статуса на 36,7%. Это позволяет предположить, что после завершения первичной адаптации и закрепления на новом месте материальные достижения становятся для представителей данной группы одним из наиболее значимых оснований субъективной оценки собственного социального положения.

Важно обратить внимание на отсутствие статистически достоверного эффекта взаимодействия в группе недавних мигрантов. Подобный результат указывает на то, что связь между доходом и субъективным статусом у недавних переселенцев статистически не отличается от соответствующей зависимости в референтной для нашей модели группе укоренившихся мигрантов. Обе группы находятся в принимающем сообществе без локальных социальных корней, вследствие чего их субъективный статус в сравнительно большей степени определяется текущим уровнем доходов. Для автохтонного населения данная зависимость оказывается менее выраженной, поскольку его самооценки в большей степени опираются на немонетарные характеристики.

Отрицательные коэффициенты взаимодействия свидетельствуют о том, что конвертация уровня дохода в субъективный социальный статус в этих группах происходит с меньшей интенсивностью, чем у укоренившихся мигрантов. К примеру, у автохтонов влияние дохода на вероятность достижения высокого субъективного статуса оказывается на 6,7% ниже базового уровня, а наиболее заметный эффект фиксируется у возвратных мигрантов, для которых соответствующая зависимость на 16,3% слабее, чем у референтной группы. Таким образом, при сопоставимом росте материального достатка субъективный статус возвратных мигрантов увеличивается в меньшей степени, чем у укоренившихся переселенцев.

Совместная интерпретация положительного главного эффекта мобильности и отрицательного коэффициента взаимодействия с доходом позволяет говорить о компенсаторном характере возвратной миграции. В частности, возвратные мигранты обладают изначально более высокой самооценкой собственного статуса, однако эта оценка слабее реагирует на динамику уровня доходов. При снижении уровня дохода субъективный статус такого мигранта не падает столь критично. В свою очередь при росте заработка самооценка возвратного мигранта не демонстрирует резкого скачка. Выявленные различия свидетельствуют о неполной и неодинаковой конвертации уровня доходов в субъективный социальный статус в различных миграционных группах. Одним из наиболее вероятных объяснений данного результата является более значимая роль для возвратных мигрантов локального социального капитала, общественного признания и устойчивых социальных связей, частично компенсирующих влияние текущих доходов при формировании их субъективного социального статуса. В целом полученные результаты свидетельствуют о том, что влияние пространственной мобильности на субъективный социальный статус не исчерпывается экономическими эффектами миграции. Один и тот же уровень материального достатка по-разному конвертируется в субъективный статус в зависимости от миграционной биографии индивида и его включенности в локальные социальные сети.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что базовая структура внутренней пространственной мобильности россиян на протяжении последних тридцати лет остается относительно стабильной, однако внутри нее происходят важные качественные сдвиги. Так, если в период экономической стабилизации 2000-х гг. наблюдался рост доли недавних мигрантов, то в последующие годы она постепенно сокращалась. Наряду с этим расширилась практика возвратной мобильности, которая к 2024 году закрепилась на довольно высоком уровне. В этих условиях возвратная миграция выступает распространенным адаптационным ответом на сравнительно высокие барьеры интеграции в принимающих экономических центрах. В условиях сохраняющегося территориального неравенства такая стратегия позволяет наиболее эффективно конвертировать накопленные за пределами домашнего региона ресурсы в более высокие статусные позиции на малой родине.

Выявленные миграционные тренды дополняются социально-демографическими различиями исследуемых групп. Так, укорененное население концентрирует высокий образовательный потенциал, но заметно уступает мобильным группам в уровне доходов. Напротив, недавние и возвратные мигранты демонстрируют высокую финансовую результативность территориальных перемещений при совершенно разной профессиональной и возрастной структуре. Подобная асимметрия объективных характеристик стала предпосылкой к переходу от описательной статистики к многомерному моделированию, результаты которого подтвердили первую гипотезу исследования и продемонстрировали, что статистическая связь между пространственной мобильностью и субъективным социальным статусом неоднородна и варьируется в зависимости от особенностей миграционной биографии индивида.

После учета различий в доходах и социально-демографических характеристиках россиян наиболее высокие шансы относить себя к группе с высоким субъективным статусом демонстрируют возвратные мигранты. Данный факт доказывает вторую гипотезу исследования о наличии статусной премии. При равном среднем уровне дохода шансы представителей этой группы оценить свой социальный статус как высокий значительно превосходят аналогичные показатели референтной группы. Для недавних мигрантов статистически значимых отличий от укоренившихся переселенцев выявлено не было, что указывает на сохранение адаптационных ограничений на начальном этапе интеграции в принимающее сообщество и подтверждает еще одну гипотезу о специфическом статусном диссонансе. Наблюдаемый разрыв между относительно скромным образовательным капиталом и достаточно высокими заработками препятствует прямолинейному росту субъективных позиций в группе недавних мигрантов, чьи материальные достижения не способны полноценно трансформироваться в высокие статусные оценки вследствие дефицита образовательного ресурса. Тем самым эмпирические результаты исследования доказывают,

что само по себе территориальное перемещение не обязательно сопровождается автоматическим ростом субъективного статуса даже при наличии объективных экономических преимуществ.

Важным результатом исследования стало выявление различий во взаимосвязи объективного социально-экономического положения и субъективного социального статуса. Включение в модель эффектов взаимодействия между уровнем доходов и типом пространственной мобильности показало, что корреляция между доходом и субъективным статусом неодинакова для россиян с разной миграционной биографией. Для укоренившихся мигрантов субъективный статус в наибольшей степени связан с уровнем доходов, тогда как у возвратных мигрантов эта статистическая взаимосвязь оказывается существенно слабее. Выявленный отрицательный коэффициент взаимодействия не нивелирует указанную статусную премию, а математически отражает снижение чувствительности субъективного статуса к колебаниям текущего заработка. Подобный результат объясняется опорой возвратных мигрантов на комплекс ранее накопленного немонетарного капитала и локальных связей, что успешно амортизирует жесткую привязку статусной самооценки к текущему заработку и обеспечивает дополнительный запас прочности их социальному самочувствию. Следовательно, объективные экономические преимущества связаны с высокой статусной самооценкой в разной степени в зависимости от миграционной биографии индивида.

Полученные результаты согласуются с теоретическим предположением о том, что субъективный статус формируется в тесной связи не только с объемом экономических ресурсов, но и с особенностями социальной интеграции, референтными для индивида социальными группами и накопленным социальным капиталом. В этом смысле результаты исследования не противоречат веберианскому разграничению класса и статуса, а также представлениям о статусной рассогласованности, показывая, что более высокие доходы далеко не всегда сопровождаются пропорциональным сдвигом субъективных представлений человека о собственном положении в социальной иерархии.

Таким образом, миграционная биография индивида выступает значимым структурным маркером, дифференцирующим не только объективное социально-экономическое положение индивида, но и характер взаимосвязи между доходами и субъективным социальным статусом. Это позволяет рассматривать пространственную мобильность как важный элемент анализа субъективного социального неравенства, дополняющий традиционные исследования, сосредоточенные преимущественно на объективных показателях благосостояния.

Литература

Андреенкова А. В., Воронина Н. С. (2025). Социальные последствия географической мобильности в жизненном пути россиян // Социологический журнал. Т. 31. № 3. С. 39–62. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.3.3

Голенкова З.Т., Сушко П.Е. (2016). Социальная мобильность в контексте миграционных биографий россиян // Социологические исследования. № 12. С. 95–104.

Зайончковская Ж.А. (1999). Внутренняя миграция в России и СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. Т. 8. № 4. С. 22–34.

Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2024). Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке // Региональные исследования. № 1. С. 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1

Камалов Э.А., Понарин Э.Д. (2020). Субъективное благополучие мигрантов в России: влияние региональных характеристик и миграционного законодательства // Экономическая социология. Т. 21. № 1. С. 11–43.

Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2024). В город или в пригород: что выбирают россияне на разных этапах жизненного пути // Известия РАН. Серия географическая. Т. 88. № 5. С. 694–711. DOI: 10.31857/S2587556624050062

Коленникова Н.Д. (2023). Профессиональные структуры «большой» и «малой» России: динамика общих контуров и специфика позиций // Terra Economicus. Т. 21. № 3. С. 88–101. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-88-101

Малева Т.М., Бурдяк А.Я. (2018). Территориальная мобильность населения России в контексте социальной динамики // Регион: экономика и социология. № 4. С. 89–111. DOI: 10.15372/REG20180404

Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2019). Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (43). С. 78–94. DOI: 10.31737/2221-2264-2019-43-3-4

Мкртчян Н.В. (2026). Роль динамики возрастной структуры населения в снижении масштабов внутренней миграции в России // Демографическое обозрение. Т. 13. № 1. С. 44–74. DOI: 10.17323/demreview.v13i1.33717

Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. (2015). Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. № 12. С. 60–69.

Сушко П.Е. (2025). Структура массовых слоев российского населения по уровню субъективного благополучия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 4. С. 143–163. DOI: 10.15838/esc.2025.4.100.8

Тимошкин Д.О., Сметанин Ф.А., Горшкова Д.Е. [и др.] (2025). «Свои» и «чужие»: внутренние мигранты в представлениях жителей сибирских городов (на примере Иркутска, Красноярска и Томска) // Регионология. Т. 33. № 2. С. 316–334. DOI: 10.15507/2413-1407.129.033.202502.316-334

Урри Дж. (2012). Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева. Москва: Праксис. 576 с.

Arpino B., de Valk H.A.G. (2018). Comparing life satisfaction of immigrants and natives across Europe: The role of social contacts. *Social Indicators Research,* 137(3), 1163–1184. DOI: 10.1007/s11205-017-1629-x

Bartram D. (2013). Happiness and “economic migration”: A comparison of Eastern European migrants and stayers. *Migration Studies*, 1(2), 156–175. DOI: 10.1093/migration/mnt006

Belot M., Ermisch J. (2009). Friendship ties and geographical mobility: Evidence from Great Britain. *Journal of the Royal Statistical Society Series A: Statistics in Society*, 172(2), 427–442. DOI: 10.1111/j.1467-985X.2008.00566.x

Borjas G.J. (1987). Self-selection and the earnings of immigrants. *The American Economic Review,* 77(4), 531–553.

Cassarino J.-P. (2004). Theorising return migration: The conceptual approach to return migrants revisited. *International Journal on Multicultural Societies,* 6(2), 253–279.

Cerase F.P. (1974). Expectations and reality: A case study of return migration from the United States to Southern Italy. *International Migration Review*, 8(2), 245–262.

Clark A.E., Senik C. (2010). Who compares to whom? The anatomy of income comparisons. *The Economic Journal*, 120(544), 573–594. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2010.02359.x

Clark W.A.V., Maas R. (2015). Interpreting migration through the prism of reasons for moves. *Population, Space and Place,* 21(1), 54–67. DOI: 10.1002/psp.1844

Cresswell T. (2006). *On the Move: Mobility in the Modern Western World*. London: Routledge.

Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin,* 125(2), 276–302. DOI: 10.1037/0033-2909.125.2.276

Festinger L. (1954). A theory of social comparison processes. *Human Relations*, 7(2), 117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202

Gillespie B.J., Mulder C.H., von Reichert C. (2022). The role of family and friends in return migration and its labor market outcomes. *Population Research and Policy Review,* 41(1), 115–138. DOI: 10.1007/s11113-021-09650-x

Hendriks M. (2015). The happiness of international migrants: A review of research findings. *Migration Studies,* 3(3), 343–369. DOI: 10.1093/migration/mnu053

Hendriks M., Burger M.J. (2020). Unsuccessful subjective well-being assimilation among immigrants: The role of faltering perceptions of the host society. *Journal of Happiness Studies,* 21, 1985–2006. DOI: 10.1007/s10902-019-00164-0

Krugman P. (1991). *Geography and Trade*. Cambridge, MA: MIT Press.

Lenski G.E. (1954). Status crystallization: A non-vertical dimension of social status. *American Sociological Review,* 19(4), 405–413. DOI: 10.2307/2087459

Li X., Cui S., Mou T. (2026). Social reintegration upon homecoming: Migration experience and the social capital of return migrants in rural China. Journal of Rural Studies, 124, 104184. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2026.104184

Merton R.K. (1968). *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press.

Nowok B., van Ham M., Findlay A.M., Gayle V. (2013). Does migration make you happy? A longitudinal study of internal migration and subjective well-being. *Environment and Planning A: Economy and Space,* 45(4), 986–1002. DOI: 10.1068/a45287

Reed-Danahay D. (2020). *Bourdieu and Social Space: Mobilities, Trajectories, Emplacements*. New York: Berghahn Books.

Sjaastad L.A. (1962). The costs and returns of human migration. *Journal of Political Economy,* 70(5), 80–93. DOI: 10.1086/258726

Sorokin P.A. (1927). *Social Mobility*. New York: Harper & Brothers.

Tegegne M.A., Glanville J.L. (2019). The immigrant-native gap in subjective well-being in Western European countries: Assessing the role of social capital. *International Migration Review,* 53(2), 458–485. DOI: 10.1177/0197918318769309

Todaro M.P. (1969). A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries. *The American Economic Review*, 59(1), 138–148.

Weber M. (1978). *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press.

Wei L. (2022). When the wall is broken: Rural-to-urban migration, perceived inequality, and subjective social status in China. *Research in Social Stratification and Mobility,* 82, 100731. DOI: 10.1016/j.rssm.2022.100731

Wu J., Bernard A., Gruber E. (2024). Lifetime internal migration trajectories and social networks: Do repeat migrants fare worst? *Social Networks,* 79, 133–152. DOI: 10.1016/j.socnet.2024.06.006

Сведения об авторах

Павел Евгеньевич Сушко – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; e-mail: sushkope@mail.ru)

Нина Дмитриевна Коленникова – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5; e-mail: kolennikova-nina@mail.ru)

Sushko P.E., Kolennikova N.D.

Spatial Mobility and Subjective Social Status in Russia: Dynamics and Interconnections

Abstract. This paper investigates the impact of spatial mobility on the objective socio-economic standing and subjective social status of the Russian population. The theoretical framework relies on the paradox of incomplete conversion of objective economic achievements into subjective social status. According to this concept, the economic benefits of relocation do not translate into a commensurate increase in subjective social standing due to high adaptation costs. The empirical base relies on longitudinal data from the Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) spanning from 1994 to 2024 (N = 116,976). Based on a specifically constructed index, four population groups were identified (non-mobile residents, recent migrants, settled migrants, and return migrants). The demographic dynamics of these groups reveal a decline in the intensity of recent migration alongside a growing trend of return mobility, which we consider an increasingly popular adaptation strategy in contemporary turbulent conditions. Binary logistic regression analysis demonstrates that return migration serves as a comparatively successful strategy for maximizing subjective social status. The unique experience and financial resources accumulated outside the home region provide individuals with competitive advantages in local labor markets. The odds of return migrants rating their status as high are 15,1% greater compared to settled migrants. Against this background, the non-mobile population generally demonstrates more restrained self-assessments of their social standing. Furthermore, the study analyzes group differences in the mechanisms of converting income into subjective social status. Notably, return migrants exhibit a 16,3% lower sensitivity of their

subjective status to income fluctuations. For the remaining groups, subjective social status is more rigidly determined by their current earnings. We conclude that for return migrants, reintegration into their home region functions as a buffer against economic shocks. This trajectory of spatial mobility enables individuals to compensate for financial deficits, presumably by leveraging local social capital, thereby ensuring the stability of their subjective standing, and fostering a sense of life success without strict dependence on current income. Thus, incorporating the specifics of migration biographies significantly expands the traditional analysis of social inequality by demonstrating a complex and structurally heterogeneous relationship between objective material conditions and the subjective assessments of Russians.

Key words: spatial mobility, return migration, migration status, migration biographies, subjective status, social stratification, Russian society.

Information about the Authors

Pavel E. Sushko – Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: sushkope@mail.ru)

Nina D. Kolennikova – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: kolennikova-nina@mail.ru)

Статья поступила: 01.08.2026.